

УДК 130.2:7

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МИФА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: КОНТЕКСТ ПЕРЕХОДА К РАЦИОНАЛЬНОСТИ ПОСТМОДЕРНА

С.В. Маслова

Томский политехнический университет

E-mail: maslova_sv_72@mail.ru

Статья посвящена проблемам культуры современного общества. Массовое сознание, сформировавшееся в индустриальном обществе, обладает высокой степенью мифичности, что позволяет многим исследователям говорить о явлении ремифологизации в современной культуре. Одновременно возникает и противоположная тенденция – к разрушению мифа. Существование этих двух противоположных тенденций связывается с появлением нового типа рациональности – рациональности постмодерна с ее принципиальной плюральностью и релятивизмом. Отказ от жестких упорядочивающих механизмов в сознании вызывает компенсаторное усиление мифа в массовой культуре и разрушение мифа в элитарной культуре. Подобная интерпретация культурных процессов может быть полезна для понимания культурных явлений, характерных для индустриального и постиндустриального общества.

Современная культурная ситуация характеризуется как ситуация постмодерна, выражающая ментальную специфику современной эпохи в целом. Постмодернизм как концепция не является монолитной, внутренне непротиворечивой системой, унифицированной по своим основаниям, методам и целям, характеризуется не только атрибутивной, но и программной плюральностью, которая воплощает себя в широком спектре проектов. Вместе с тем, к настоящему времени утвердилась точка зрения, согласно которой постмодернизм – эпоха не столько в развитии социальной реальности, сколько сознания. Появляется совершенно новое восприятие реальности как хаоса, получившее название постмодернистской чувствительности, и, соответственно, новые схемы организации и оперирования этой реальностью.

Ситуация постмодерна характеризуется переходом к новому типу рациональности, понимаемой в широком смысле как общая стилистика мышления. Появление развитых систем рационально-понятийного знания вообще не приводит к одновременному полному вытеснению из духовной жизни общества элементов мифологического сознания, которое постоянно воспроизводится на уровне спонтанного житейского опыта и в ситуациях, связанных с необходимостью коллективного социального действия. Миф активизируется там, где рационалистическое миропонимание либо не занимает господствующего положения, либо по каким-то причинам его теряет. В динамике культуры подобные ситуации связаны с глобальными процессами, лишающими однозначности прежнюю систему ценностей, что мы и наблюдаем в культуре постмодерна. Переход к рациональности постмодерна в общественном сознании вызывает компенсаторную реакцию в коллективном бессознательном, что выражается в усилении массового сознания как активного потребителя мифов. С другой стороны, как реакция на ремифологизацию в массовой культуре, появляется и противоположная тенденция – к разрушению мифа, на сегодняшний день практически не изученная.

Современная культура, являясь частью социальной жизни, отражает процессы и изменения, происходящие в современном обществе и в сознании людей, его составляющих. Изменения в сознании людей связаны с процессами индустриализации, происходившими в XIX–XX вв., и переходом к постиндустриальному обществу в XXI в. Эти изменения выражаются в процессах массовизации и ремифологизации в культуре, что позволяет говорить о современном мифологическом сознании [1].

Феномен массового сознания активно изучается в философии с конца XIX в. и по сегодняшний день. Понятия «масса» и «толпа» во многих трудах употребляются как синонимы. Возникает необходимость разведения понятий «толпы» и «массы», и соответственно, понятий «человек толпы» и «человек массы» («массовый человек»), и установить соотношение между ними.

Проанализировав понятие массы и массового сознания, а также понятия человека толпы и человека массы, мы будем понимать массовое сознание как один из слоев коллективного сознания, являющийся фрагментом бессознательной коллективной психики человека, который влияет на его восприятие и поведение, наделяя личность в той или иной мере определенными качествами, такими как анонимность, фрагментарность содержания сознания, посредственность в интеллектуальном и духовном плане, нетребовательность к себе, агрессивность по отношению ко всему, что от него отличается, склонность к стереотипному мышлению. В определенных условиях массовое сознание становится преобладающим в психике индивида, и такого индивида мы можем называть массовым человеком. Человек массы в толпе приобретает новые качества в добавление к уже указанным, такие как повышенная аффективность, восприимчивость к состоянию находящихся рядом людей (феномен заражения), и становится человеком толпы.

Для понимания функционирования массового сознания следует отметить, что сознание и бессознательное связаны между собой как содержательно, так и функционально. С одной стороны, про-

исходит постоянное перемещение содержаний сознания в бессознательное и наоборот, с последующей их обработкой теми способами, которые характерны для каждой из этих систем. С другой стороны, связь их носит компенсаторный характер, поэтому бессознательно человек стремится противостоять хаосу, который угрожает сознанию (избыток информации, культурный релятивизм, тенденции плюрализма в социальных нормах, науке, искусстве, моде). Противоречие между сознанием и бессознательным (динамическое равновесие в норме и разрыв в патологии, который приводит к появлению массового человека) отражается и в культуре, которая в течение последнего века породила как явления массовизации, так и явную элитарность философии и искусства постмодерна. Массовое сознание очень восприимчиво к мифам, и в связи с этим следует рассмотреть, какие его характеристики обуславливают эту восприимчивость.

Перед нами встает необходимость определения понятия «мифичности» как свойства сознания массового человека. Разночтения встречаются даже при обозначении понятия. В литературе используются термины мифичность сознания (Р.А. Мигуренко [2]), мифологичность сознания (Н.С. Автономова [3]), мифическое сознание (А.Ф. Лосев [4]), мифосознание (Ю.С. Осаченко [5]), мифологическое мышление (Э. Кассирер [6]), которые во многом пересекаются. Для определения понятия мифичности следует обратиться к понятию мифа как основе для появления этого свойства.

В отечественной и зарубежной литературе существуют разнообразные трактовки мифа. Поскольку все эти трактовки являются взаимодополняющими, то в целях нашего исследования мы будем понимать миф как форму индивидуального и коллективного сознания.

Мифосознание не является какой-то особой, изолированной формой сознания, функционирующей независимо от других его форм (религиозного, научного, обыденного и т. д.). Поэтому имеет смысл говорить не столько о мифосознании как особой форме сознания, сколько о мифичности как свойстве сознания, проявляющей себя в самых различных сферах жизни человека. Таким образом, мы будем понимать мифичность как свойство, присущее сознанию и бессознательному как слоям человеческой психики, которое проявляется только в единстве их взаимодействия. Это взаимодействие заключается в специфическом способе организации содержаний сознания через архетипические структуры, содержащиеся в бессознательном. Однако обнаружить мифичность мы можем только в сознании, поскольку содержание бессознательного от нас скрыто, и мы можем догадываться о нем, только анализируя содержание сознания. Поэтому в дальнейшем мы будем говорить о мифичности сознания, не забывая о том, что корни этой мифичности находятся в глубинах бессознательной психики, и сама мифичность становится воз-

можной только через единство сознания и бессознательного.

Степень проявления мифичности может быть различной, но наивысших пределов достигает на уровне массового сознания, которое является активным потребителем разного рода мифов: социальных, политических, научных, эстетических и др., бессознательно структурируя при помощи архетипов все, что для поверхностного взгляда массового человека предстает как хаос, отсутствие порядка и смысла. Свойство мифичности согласуется с другими характеристиками массового сознания: посредственность, заурядность, нетребовательность к себе, самодовольство, неспособность к творчеству, агрессивность по отношению ко всему выделяющемуся, непохожему на него. Агрессивная реакция массового сознания на все, что отличается от привычных стереотипов, выражает, в конечном счете, неприятие хаоса, что является стержнем мифического мышления. Как хаос подсознательно воспринимается все, что не вписывается в существующий либо желательный порядок вещей. На уровне деятельности мифичность массового сознания проявляется в тяготении к ритуалу. Таким образом, мы видим, что мифичность проявляется в массовом сознании в высокой степени. Разумеется, элитарное сознание (в том смысле, который вкладывает в это понятие Х. Ортега-и-Гассет [7], а именно, научное, эстетическое и др.), будучи сознанием, также обладает свойством мифичности, хотя и в меньшей степени. Качественное различие заключается в том, что интеллектуальная элита творит мифы, прозревает их, масса же только потребляет готовые.

Мифичность сознания проявляет себя в восприятии реальности через устойчивые структуры, которые порождают мифы и стереотипы. При выделении устойчивых элементов мифа в литературе чаще всего используются термины «архетип» (К.Г. Юнг [8]) и «структура» (К. Леви-Стросс [9], У. Эко [10]). Однако встречаются также термины «форма» (Э. Кассирер) и «модель», «образец» (М. Элиаде [11]).

В сущности, все эти термины имеют много общего. Различные исследователи делают упор на отдельные аспекты этих устойчивых элементов, в соответствии с той философской концепцией, которую они разрабатывали и в целом не противостоят друг другу.

Можно увидеть, что в отношении сущности структуры мифа и ее функции в культуре у различных авторов не существует явных разногласий, как бы они эту структуру не называли. Разногласия существуют по вопросу происхождения структуры — заложена ли она в мире, или ее источником является сам человек (его бессознательное у К.Г. Юнга или целенаправленные действия у У. Эко). Но в том, что основное назначение структур — это организация нашего опыта (создание порядка из хаоса), сходятся все исследователи.

Проанализировав понимание мифа и структуры у вышеуказанных авторов, следует конкретизировать понятия «архетипическая структура» и «архетипический сюжет» и указать различие между ними, поскольку в литературе они иногда встречаются как синонимы, в частности, у М. Элиаде.

Архетипическую структуру мы будем понимать как код, т. е. модель, которая содержит правила для формирования опыта индивида или коллективного опыта социальной общности. Архетипические структуры выполняют важную функцию — они упорядочивают наш опыт, придают определенную форму тому, что мы определяем как реальность, будь то реальность литературного произведения или повседневной жизни. Но структура не может быть описана сама по себе, она подобна «осям кристалла» (это формальный аспект юнгианского архетипа), которые организуют кристалл, но сами не видны. Поэтому мы не можем описать структуру непосредственно, можем только заметить ее присутствие как закономерность, связи, которые начинают просматриваться при повторении каких-то ситуаций. Первым отражением структур на материале нашего бытия являются архетипические сюжеты.

Архетипическим сюжетом мы будем называть образы и их взаимодействия, являющиеся инвариантами конкретных мифологических сюжетов. Если структура формальна (даже язык слишком содержателен для ее адекватного описания), то архетипический сюжет содержателен и может быть описан при исследовании конкретных мифов. Правда, поскольку это первое отражение структуры, то сюжет несет в себе явный отпечаток ее формальности и потому содержательно довольно беден. Часто это только название, Имя, которое указывает на (или скрывает в себе) образ, например, Герой, Путешествие Героя, Сотворение Мира, Конец Мира и т. д. Архетипическая структура первична по отношению к сюжету, она формирует сюжет, соединяясь с бытием индивида или общности. Соответственно, архетипические сюжеты формируют все пространство мифов конкретных народов. В результате мы получаем конкретные мифы, эпические повествования, сказки, представления о жизни разных народов. Таким образом, понятие архетипического сюжета сходно с понятием архетипа К.Г. Юнга [12].

Трансляция архетипических сюжетов и стоящих за ними структур происходит социальным путем. Мы неосознанно усваиваем их в раннем детстве.

Архетипические структуры, существующие в нашем бессознательном, и основанные на них архетипические сюжеты являются одним из способов упорядочения мира, а именно, способом, характерным для бессознательного. Однако наше сознание обладает собственным механизмом упорядочения опыта, отличными от рассмотренных ранее. Таким механизмом, целиком лежащим в сфере сознания, является рациональность.

Рациональность — понятие классической рационалистической философии, выражающее способность мышления создавать особый мир идеальных объектов и превращать его в предмет деятельности, руководствуясь принципом тождества мышления и бытия. Рациональность в широком смысле понимается как общая ориентация и стилистика мышления. Рациональное — относящееся к разуму, и прежде всего к разуму познающему мир посредством логического мышления. *Во-первых*, рациональность выступает системой упорядочивающих действительность принципов, форм, действующих в сфере рефлексивного сознания, то есть сознание определенным образом конструирует действительность. *Во-вторых*, все концепции рациональности предполагают познаваемость мира, предлагая различные средства для повышения степени адекватности нашего знания окружающему миру.

Принципы рациональности, сформировавшиеся в философии и естественных науках в эпоху Просвещения, начали пересматриваться в конце XIX — начале XX вв. в связи с развитием научного знания, когда эти принципы оказались недостаточными, и пришлось вносить коррективы в классическое понимание рациональности. Появились идеи о существовании различных типов рациональности, применение которых ограничивается какими-либо областями знания или периодами его развития.

На сегодняшний день типология рациональности разнообразна. Нас интересует классификация по сферам ее приложения: рациональность научная, рациональность деятельности, рациональность мифа как способа освоения мира. В рамках научной рациональности можно выделить классическую, неклассическую и постнеклассическую рациональность и рациональность постмодерна. Последняя восходит к неклассическому типу философствования, в частности, к структурализму и постструктурализму, психоанализу, феноменологии, семиотике и структурной лингвистике. Для постмодернизма характерно отношение к миру не как к объекту познания, а как к объекту осознания, результаты которого фиксируются в письменных формах. Если рассматривать проблему рациональности как некоторый момент проблемы познаваемости мира, то можно увидеть, что философия постмодерна вообще эту проблему не ставит. Рациональность познания проявляется в формулировании, обнаружении закона как всеобщей, необходимой закономерности, однако теории постмодерна признают за законом вероятностный характер. М.К. Мамардашвили отмечает, что на смену научному детерминизму пришла эпистемологическая неуверенность [13]. Специфическая форма постмодернистского мироощущения получила название постмодернистской чувствительности — установки на восприятие мира в качестве хаоса. Фундаментальной предпосылкой интерпретации мира выступает для постмодернизма отказ от идеи це-

лостности, иерархической структурности, централизованной и гармоничной упорядоченности мира. Поэтому мир выступает как текст. Текст же не обладает единым принципом структурности, значение его определяется контекстом, оно бесконечно изменчиво.

Итак, в общественном сознании в XX в. появился новый тип рациональности — рациональность постмодерна. Это вызвано культурными изменениями, такими как кризис в сфере науки, искусства, духовной жизни общества в целом, социальным развитием, которое идет по пути глобализации. Если в изолированной культуре, являющейся моностилистической, возможна более или менее единая стилистика мышления и мировосприятие, основанное на характерном для нее менталитете, то существующий сегодня диалог или, как минимум, соприкосновение культур разрушают это единство. В обществе резко повышается социальная мобильность, лишая человека корней, связи с семьей, родом, возрастает поток информации, снижая адаптивные возможности сознательной психики, которая не успевает переработать ее собственными методами. Эту ситуацию А. Тоффлер [14] описал как футушок, при котором человек испытывает избыточную стимуляцию и ищет средства защиты.

В такой ситуации усиливаются механизмы адаптации бессознательного, которое находится в компенсаторном отношении к сознанию. Когда сознание не справляется с функцией упорядочивания опыта, логически возможны два пути: первый — разработка новой рациональности, которая сможет выполнять эту функцию в изменившихся условиях и второй — сознание может отказаться от этой функции вообще. Если мир представляет собой хаос, лишен разумности, значит нужно воспринимать его как хаос и оперировать с ним как с хаосом.

В современной культуре реализуются обе эти тенденции. Во втором случае, когда сознание отказывается от упорядочивающей функции, включаются адаптивные механизмы бессознательной коллективной психики. Она реагирует на хаос в сознании усилением упорядочивающих механизмов, характерных именно для нее — через архетипические структуры, составляющие фундамент его содержания, они все многообразие опыта сводят к архетипическим сюжетам. Существующая в мифологическом сознании глобальная оппозиция Космоса и Хаоса отражает множество слоев отношений человека с миром и самим собой, в частности, проявляется и в других, значимых для мифологического мышления оппозициях, таких как Свое и Чужое, Единство и Раздробленность, Общность и Одиночество и т. п. Стремление преодолеть одиночество, раздробленность также является фактором ремиологизации.

Массовое сознание, мифичное по своей природе, в той или иной степени существует в каждом человеке. Поэтому в каких-то областях он будет про-

являть себя человеком массовым, то есть потребителем культуры, иногда элитарным потребителем, создающим для себя новые смыслы, а иногда — потребителем стереотипов, создаваемых массовой культурой, и именно к «массовому человеку» в нем она будет обращаться. Онтологическая картина мифотворческого (а точнее, мифовоспринимающего и мифовоспринимающего) сознания, его образный строй, как свидетельствуют многочисленные исследования современной «массовой» культуры, достаточно разнообразны, а сам процесс изобретения и распространения мифов имеет благодаря масс-медиа глобальные масштабы. Причем во всех случаях мифотворческого и мифовоспринимающего мышления воспроизводятся и общие механизмы, и структуры мифа. Усиление мифа в современной массовой литературе проявляется в том, что содержательно она направлена на эксплуатацию простых инстинктов и базовых потребностей (секс, еда, безопасность) и потому воздействует на сознание массового человека особенно сильно, поскольку инстинкты первичны по отношению к культуре. С другой стороны, создателями массовой культуры учитываются особенности психологии массового человека. В фильмах и романах формируется такая картина мира, в которой для достижения успеха героям не требуются ни интеллектуальные усилия, ни образование, ни тяжелый труд, главное — красота и (или) удачливость. Удача может быть предназначена любому, и собственные усилия не имеют никакого значения. В результате мы наблюдаем многочисленные истории про Золушек и героев-авантюристов.

Современная элитарная культура развивается в духе постмодерна, поскольку социальное развитие идет по этому пути, и отражает тенденции социального развития. Особое восприятие мира — «постмодернистская чувствительность» — восприятие мира как Хаоса, представление о вероятностном характере любого порядка, осознание того, что порядок в мир вносит человек, в природе его нет, все это ведет к тому, что в культуре постмодерна появляется тенденция к разрушению мифа как способа упорядочивания мира.

Современная культура, подвергающая сомнению, релятивизирующая любые механизмы создания порядка, впервые покусилась и на основания мифа. Конечно, мифы разрушались и раньше, но всегда разрушение это происходило только с содержательной стороны. Сохранялась основная функция мифа, новый порядок создавался вместо старого. Теперь же идет покушение на сами архетипические структуры средствами культуры постмодерна — игры, цитатного письма и др., которые создают особую квазиреальность, имитирующую Хаос.

Современная культура, пожалуй, и не ставит перед собой задачу полного разрушения структур. Она разрушает миф через творческую рефлексию над ним, выявляя структуры, комбинируя, играя с ними, демонстрируя их условность.

Таким образом, в современной культуре отчетливо прослеживаются две тенденции, связанные с переходом к рациональности постмодерна. *Первая* — усиление мифа в массовой культуре как ответ на разрушение устойчивой картины мира и принципиальный плюрализм, характерный для постмодернистского мышления. *Вторая* — впервые возникающая в культуре мифоразрушительная тенденция, когда разрушаются сами структуры мифов. Эта тен-

денция возникает, с одной стороны, как сознательная рефлексия над основаниями любого порядка, характерная для культуры постмодерна в целом, что проявляется в кризисе классической рациональности и формировании рациональности постмодерна, в которой порядок носит вероятностный характер. С другой стороны, мифоразрушительная тенденция возникает как компенсаторный ответ на агрессивную экспансию массовой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономова Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность. — М.: Наука, 1988. — 288 с.
2. Мигуренко Р.А. Мифичность сознания: Мифичность сознания и ее признаки / Методология науки. Вып. II. — Томск: Изд-во ТГУ, 1997. — С. 138–141.
3. Автономова Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность. — М.: Наука, 1988. — 288 с.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. — М.: Политиздат, 1991. — 525 с.
5. Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры / Под ред. И.В. Мелик-Гайказян. — М.: Научный мир, 2005. — 256 с.
6. Кассирер Э. Понятийная форма в мифическом мышлении // Избранное. Опыт о человеке. — М.: Гардарики, 1998. — 784 с.
7. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 269 с.

8. Юнг К.-Г. Архетип и символ / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. — М.: Ренессанс, 1991. — 304 с.
9. Леви-Стросс К. Структурная антропология. — М.: ЭКСМО-пресс, 2001. — 512 с.
10. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Перев. с итал. В.Г. Резник, А.Г. Погоняйло. — СПб.: Симпозиум, 2004. — 554 с.
11. Элиаде М. Аспекты мифа. — М.: «Инвест-ППП», СТ «ППП», 1996. — 240 с.
12. Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. — М.: Наука, 1996. — 627 с.
13. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. — М.: Лабиринт, 1994. — 90 с.
14. Тоффлер А. Футурошок. — СПб.: Лань, 1997. — 464 с.

Поступила 24.10.2006 г.

УДК 1:008

«КУЛЬТУРНЫЙ ПЕРЕХОД» КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Е.М. Иванова

Томский политехнический университет
E-mail: kabemas@rambler.ru

Рассматривается проблема исследования переходного состояния современной культуры, возникающая в связи со сменой индустриального — постиндустриального (информационного общества). «Культурный переход» как трансформационное состояние современной социальной онтологии конституирует новые парадигмы культуры. Чтобы понять современную культуру в мультикультурном тополе, требуется переосмыслить имеющиеся концепции диалогичности и попытаться выдвинуть новую модель полилога культуры, которая является наиболее востребованной в современном обществе.

Современное состояние культуры можно охарактеризовать как переходное, существующее на грани индустриального — постиндустриального общества. Причиной данного перехода является информационный взрыв, пришедший на смену информационному голоду, в котором ранее пребывал СССР, а затем и Россия. Вследствие длительной изоляции от внешнего мира советская культура не получала в достаточной мере текстов со стороны других культур. Россия всего лишь несколько лет назад выполняла роль адресата, а США — адресанта, который транслировал тексты своей национальной культуры. С падением «железного занаве-

са» на страну обрушился мощный поток информации. Таким образом, информационный взрыв был подготовлен падением «железного занавеса», а также тем фактором, что отечественная культура насытилась однообразием текстов американской культуры и обратила свой взор на другие национальные и мировые культуры [1].

По мнению академика Ю.М. Лотмана, именно «взрыв подразумевает под собой непредсказуемый переход в другое состояние» культуры и общества, (который) «характеризуется выбрасыванием целого пучка потенциально возможных продолжений..., процесс отбора возможных дорог (для ра-